

Михаил Федотов. Что не так с законом о просветительской деятельности?

Не сегодня-завтра Совет Федерации рассмотрит принятый Госдумой закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», известный в общественном мнении как закон о просветительской деятельности.

Если сенаторы одобряют принятый Госдумой закон, то он пойдет на подпись к президенту, который, в свою очередь, может его сразу подписать или отправить на проверку в Конституционный суд и только потом подписать. Или не подписать. Потому что закон сделан неаккуратно, мягко говоря.

И вопрос стоит так: кто-нибудь дернет стоп-кран на этом конвейере или очередная партия законодательного брака станет частью отечественной правовой системы?

Для доказательства своего утверждения возьмем правовую норму, которую предлагается включить в статью 105 федерального закона об образовании.

Здесь сказано: «Заключение образовательными организациями, за исключением федеральных государственных образовательных организаций, находящихся в ведении федеральных государственных органов, договоров, предусмотренных частью 3 настоящей статьи, кроме договоров об оказании образовательных услуг иностранным гражданам, осуществляется при наличии заключения федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере высшего образования, или

федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования».

Проще говоря, школы и вузы вправе участвовать в международном сотрудничестве только при наличии заключения Минпросвещения или Минобрнауки России соответственно. Исключение сделано только для школ и вузов федерального подчинения.

Но не всё так просто, поскольку в законе данный пункт продолжается следующим образом: «Федеральным государственным образовательным организациям, находящимся в ведении федеральных государственных органов, заключение выдается федеральным государственным органом, в ведении которого находятся соответствующие образовательные организации». Иными словами, то исключение, которое было сделано для федеральных школ и вузов в первом предложении данного пункта, ничего не значит. Например, ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», как находящийся в ведении Минобрнауки России, согласно первому предложению, не должен получать заключение Минобрнауки, а согласно второму – должен. И потом, что это вообще за странная формула «федеральная государственная организация, находящаяся в ведении федеральных государственных органов»? Разве такие организации могут находиться в ведении региональных или муниципальных органов?

Я могу предположить, что хотел сказать законодатель в этом пункте, но сказал он только то, что написано. И закон встраивается в правовую систему не так, как задуман, а так, как написан. И, если он написан небрежно, то не только сам будет работать плохо, но и другим законам может мешать, замусоривая правовую систему. Вот почему так важна аккуратность при написании каждого закона.

Есть в законе о просветительской деятельности и другие серьезные огрехи. Как, например, оценить норму, согласно которой «просветительскую деятельность осуществляют органы государственной власти»? Если верить действующему законодательству, то просветительской деятельностью в нашей стране занимаются образовательные учреждения, музеи, клубы, театры, разнообразные НКО, но уж никак не министерства и

ведомства, не законодательные собрания, не суды.

А как понимать слова об «агитации, пропагандирующей», если еще со школы мы помним, что коллективный пропагандист это совсем не то же самое, что коллективный агитатор и коллективный организатор? И законодательство, например, КоАП РФ четко различает агитацию и пропаганду.

Вызывает вопросы и формулировка о недопустимости использования просветительской деятельности «для побуждения к действиям, противоречащим Конституции Российской Федерации». Мне нравится, что под этот запрет попадают, например, призывы к введению цензуры или ограничению прав и свобод человека и гражданина, но, боюсь, авторы законопроекта имели в виду что-то иное.

Может быть, они хотели написать о недопустимости использования просветительской деятельности для совершения уголовно-наказуемых деяний? Почему же не написали?

К сожалению, вызвавший столько дискуссий в обществе закон о просветительской деятельности – далеко не единственный случай некачественного законотворчества. Так, 30 декабря 2020 года в Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» были внесены изменения, касающиеся статуса журналиста, присутствующего на публичном мероприятии в целях его освещения в СМИ. При внимательном прочтении этих новелл выясняется, что журналист «должен иметь ясно видимый отличительный знак (признак) представителя средства массовой информации» (пункт 5 статьи 6), он не вправе скрывать этот знак (подпункт 5 пункта 7 статьи 6) и одновременно ему... запрещено «использовать отличительный знак (признак)» представителя СМИ (подпункт 4 пункта 3 в единстве с пунктом 6 статьи 6). Хорошо еще, что вид и описание этого отличительного знака пока не утверждены: иначе журналисты, идущие освещать митинг, были бы обречены: надел жилет «пресса» – нарушил закон, не надел – тоже нарушил, спрятал – опять нарушил. Не думаю, что законодатель сознательно выстроил такую юридическую ловушку. Но ведь выстроил. И не торопится исправлять.

Еще одну загадку загадал наш законодатель 30 декабря 2020 года, когда внес изменения в Федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». В первом законе он записал, что владелец социальной сети обязан мониторить содержание и блокировать аккаунты, в которых распространяются материалы, имеющие целью, в частности, опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы... А во втором законе он установил санкции за введение владельцем социальной сети ограничений в отношении распространения информации по признакам «национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, профессии, места жительства и работы»...

Получается парадоксальная картина. Например, некто пишет в твиттере, что имярек – плохой человек, поскольку живет в Чертаново и работает в ГБУ «Жилищник». Если владелец твиттера не ограничит доступ к такому аккаунту, он нарушит статью 10.6 закона об информации, а если ограничит, то нарушит статью 3.3 закона о мерах воздействия.

Остается надеяться, что новый состав Государственной думы будет бережнее относиться к отечественной правовой системе, а Совет Федерации – строже оценивать творения нижней палаты парламента.

Михаил Федотов, доктор юридических наук, профессор